

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ**

**ОБЩЕСТВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ
(САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ)**

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. А.И.ГЕРЦЕНА

ИТАЛЬЯНСКИЙ ИНСТИТУТ КУЛЬТУРЫ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

УНИВЕРСИТЕТ КА' ФОСКАРИ (ВЕНЕЦИЯ)

ВОЙНА И САКРАЛЬНОСТЬ

Материалы Четвертых международных научных чтений
«Мир и война: культурные контексты социальной агрессии»

Санкт-Петербург – Выборг – Старая Ладога
1 – 4 октября 2009 г.

МОСКВА – САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2010

Библиографический список

1. Шарнина А. Б. Эпиграфические свидетельства о греческих священных посольствах (надпись Андроса в Дельфах) // Историк и его дело: межвуз. сб. науч. тр. Серия памяти проф. В. Е. Майера. Вып. 6. Ижевск, 2007. С. 17–30.
2. Шарнина А. Б. «Межполисные религиозные связи (феоры и феородоки)» / История: Мир прошлого в современном освещении: Сб. науч. ст. к 75-летию со дня рождения профессора Э. Д. Фролова. СПб., 2008. С. 199–212.
3. Gauthier Ph. Notes sur l'étranger et l'hospitalité en Grèce et à Rome // *Ancient Society*. 4 (1973). P. 1–21.
4. Gebhard E. R. The Evolution of a Pan-Hellenic Sanctuary: From Archaeology towards History at Isthmia // *Greek Sanctuaries. New Approaches*. London, 1993. P. 154–177.
5. Gould J. Hiketeia // *The Journal of Hellenic Studies*. 1973. Vol. 93. P. 74–103.
6. Herman G. *Ritualised Friendship and the Greek City*. Cambridge, 1987.
7. Rigsby K. J. *Asylia: Territorial Inviolability in the Hellenistic World*. Berkeley; Los Angeles; London, 1996.

Т. В. Кудрявцева
Санкт-Петербург

АФИНСКИЕ ПРОЦЕССЫ О НЕЧЕСТИИ И ПЕЛОПОННЕССКАЯ ВОЙНА

На годы самой известной из всех межэллинских войн – Пелопоннесской войны между Афинами и Спартой (431–404 гг. до н. э.) – приходится целый ряд афинских процессов по обвинению в нечестии (асебии), на примере которых возможно проследить связь сакральной и военно-политической сфер жизни античного полиса, их взаимовлияние и взаимопроникновение.

Известно, что Пелопоннесская война оказалась весьма урожайной на громкие судебные процессы. Этому способствовал напряженный психологический климат в афинском обществе, вполне понятный в условиях изнурительного, многолетнего конфликта. Ряд наделавших шуму процессов по обвинениям в преступлениях против полисной религии имел место и накануне войны, когда атмосфера уже была достаточно тревожной и накаленной (процессы скульптора Фидия, философа Анаксагора и подруги Перикла Аспасии). Тогда же по предложению некоего Диопифа была принята псефизма, послужившая юридической основой обвинения против Анаксагора, а также, весьма вероятно, используемая с той же целью в ряде процессов по обвинению в нечестии уже в годы Пелопоннесской войны. Текст псефизмы приводится у Плутарха (Рег., 32, 1): люди, не почитающие богов должным образом или распространяющие учения о небесных явлениях, должны привлекаться к суду по исангелии (т. е. как государственные преступники). Оскорбление (в той или иной форме) традиционной полисной религии рассматривалось отныне как тягчайшее государственное преступление.

Из всех процессов по религиозным преступлениям в годы Пелопоннесской войны наибольшее влияние на ход событий и на жизнь афинского общества оказал процесс нечестивцев-гермокопидов и осквернителей мистерий. Процесс этот неоднократно становился предметом исследования [см., напр.: 5, с. 115–124; 11, р. 264–288; 17, р. 326–338; 13, S. 114–127], поэтому мы выделим лишь некоторые процедурные, политические и психологические детали тех событий.

За три или четыре недели до отплытия Сицилийской экспедиции в одну ночь в Афинах были изуродованы почти все гермы – особые статуи / символы бога Гермеса.

В происшествии усмотрели дурное предзнаменование и вместе с тем заговор, направленный на свержение демократии (Thuc., VI, 27, 3). Доносчикам была обещана безнаказанность и награда. В некоторых доносах речь шла о том, что еще ранее компания выпивших молодых людей пародировала на пирушках элевсинские мистерии; в числе участников было названо имя Алкивиада (Thuc., VI, 28, 1; And., I, 11–15). С видным политиком Алкивиадом все понятно: его политические враги не упустили случая расправиться с ним, к тому же само поведение Алкивиада, его выходки, пренебрежение традициями, высокомерие делали правдоподобными обвинения в кощунстве. Гораздо более темная история – с осквернением герм. То, что это было сделано одновременно (за одну ночь) и массово, показывало спланированный характер акции – это был действительно заговор. Некоторые историки полагают, что заговорщики намеревались сорвать экспедицию [6, p. 173–175]; другие отбрасывают данную версию, исходя из того, что идея экспедиции пользовалась массовой поддержкой и сорвать ее даже таким способом было нереально [17, p. 337–338; 18, p. 324–326]. Однако бросить тень, омрачить, смутить души и тех, кто отплывал, и тех, кто оставался, посеять неуверенность и страх – это осквернителям было вполне по силам. Другие делают акцент на религиозной интерпретации кощунства, считая его «политическое прочтение» недостаточным и вписывая его в контекст софистического движения: это вызов религиозной традиции, осуществленный молодыми интеллектуалами-скептиками [12, p. 20–22; 13, S. 121–126].

Впечатляющее описание истерии, охватившей афинян в результате неслыханного святотатства, приводится у Фукидида (VI, 60). День ото дня множилось количество доносов, усиливалась подозрительность и нервозность народа, и возрастало число арестованных. Против названных в доносах подлинных или мнимых осквернителей герм была применена процедура исангелии. Из примерно 300 человек, проходивших по этому делу, нам известно поименно 65 [список – 11, p. 277–282]; примерно половина бежала и была осуждена *in absentia*.

Среди рассматриваемых в 415/414 г. дел по преступлениям против религии особое значение благодаря политическим последствиям имел процесс Алкивиада. Еще до отъезда фактического главнокомандующего экспедицией на Сицилию его враги пытались организовать импичмент стратега и обвинили его в профанации мистерий, внося исангелию (And., I, 11; 27; Isocr., XVI, 6–7). Несмотря на требование Алкивиада рассмотреть его дело до отъезда экспедиции, оно было отложено. После отплытия флота против стратега была подана новая исангелия; по постановлению экклесии за Алкивиадом была отправлена триера «Саламиния». Опасаясь обвинительного приговора, он сбежал по дороге, объявившись через какое-то время в Спарте; суд над ним *in absentia* завершился вынесением смертного приговора (Thuc., VI, 53, 1; 61, 4–7; Isocr., XVI, 8; Diod., XIII, 5, 2–4; Plut. Alc., 21, 7–22). К каким последствиям эта история привела для исхода Сицилийской экспедиции (она лишилась своего идейного вдохновителя и самого деятельного стратега), да и всей войны (Алкивиад одарил спартанцев несколькими весьма полезными советами – Thuc., VI, 90–92), – хорошо известно (ср. Thuc., VI, 15, 3–4).

Еще одним примером процесса против нечестивца был процесс Протагора. За сомнение в существовании богов популярный софист был привлечен к суду; он вынужден был бежать из Афин и умер на пути в Сицилию (Philochor., FgrHist., 328 F 217; Diog. L., IX, 52, 54, 55; Cic. De nat. deor., I, 23, 63; Sext. Emp. Adv. math., IX, 55–56; schol. in Plat. Resp., 600c). У нас нет сведений, какого рода обвинения были выдвинуты против Протагора и какой суд судил (или собирался судить) его. Некоторые исследователи полагают, что была задействована процедура исангелии, а обвинением являлась асебия в соответствии с декретом Диопифа [19, p. 91; 16, p. 201; 18, p. 328]. В научной литературе

встречаются различные датировки процесса: 421 или 420 г. [9, р. 36–38], 416/415 г. [2, с. 413, прим. 550–551; 10, р. 51–54; 7, р. 67]; между 420 и 417 гг. [8, р. 220–222; 4, с. 130–131]. Наиболее «подходящим» для выдвижения обвинения против философа-скептика с точки зрения царившей в Афинах нервной и нетерпимой атмосферы, на наш взгляд, был 415/414 г. до н.э. – после того, как разразился скандал в связи с делом об изуродовании герм и осквернении мистерий. По сообщению ряда авторов (правда, поздних), афиняне устроили публичное сожжение книг Протагора (Cic. De nat. deor., I, 65; Diog. L., IX, 52; schol. in Plat. Resp., 600 c).

Последний процесс, на котором мы остановимся, – процесс Диагора, уроженца острова Мелос. В эллинистическое и римское время составлялись списки мыслителей-атеистов (atheoi), Диагор в этих списках был одним из первых – кстати, при жизни ни Анаксагора, ни Протагора, также оказавшихся в этих списках, атеистами не считали, да они таковыми (т.е. не верящими в существование богов) и не были. Диагор же, похоже, действительно имел прижизненную репутацию атеиста, ибо недвусмысленно отрицал существование богов и написал безбожную книгу (Aristoph. Nub. 826–830; Tatian. Adv. Graec., 27; Suda, Διαγόρας; Mubaššir – [14, р. 26]). (Арабский писатель XI в. Аль-Мубашир ибн Фатих, автор книги о Зеноне Элейском, черпал сведения, очевидно, из «Истории философии» Порфирия. Фрагмент его сочинения, в котором речь идет о Диагоре, был приведен и откомментирован Ф. Якоби [14]). Хотя и не исключено, что слившееся с Диагором ἄθεος как определение появилось не ранее конца II – в начале I в. до н.э. (он назван так у Цицерона и Диодора – Cic. De nat. d., I, 23, 63; Diod. XIII, 6,7) [18, р. 275].

Преступление против религии, которое совершил Диагор, состояло в том, что он осквернил элевсинские мистерии, точнее, очернил – да так, что даже часть потенциальных мистов, распропагандированных Диагором, чуть ли не отказалась пройти инициации. Схолиаст цитирует декрет против Диагора: желающих принять посвящение тот отговаривал (τοὺς βουλομένους μνεῖσθαι ἀποτρέπων – schol. in Aristoph. Av., 1073). Как именно действовал Диагор – неясно, но то, что это были именно словесные нападки и / или жесты, очевидно из речи Псевдо-Лисия против Андокида: «Диагор на словах кощунствовал по поводу чужих святынь и праздников, а Андокид – на деле и по отношению к святыням в своем городе» (VI, 17 – пер. С. И. Соболевского). Диагор, возможно, насмехался над обрядом, презрительно отзывался о мистериях (schol. in Aristoph. Av., 1073), пародировал гимны мистов – «растанцовывал» их, по выражению Лукиана (εἰς ὄρχεῖσθαι – Luc. De salt., 15). Диагор также разгласил некие подробности мистерий (κοινοποιῶν αὐτὰ – schol. in Aristoph. Av., 1073).

Предстал ли Диагор перед судом? Схолиасты (schol. in Aristoph. Av., 1073; schol. in Aristoph. Ran., 320) четко указывают на источник сведений о постановлении против Диагора: Мелантий, автор сочинения «Об элевсинских мистериях» (IV в. до н.э.) и Кратер с его собранием псефизм (III в. до н.э.). И тот, и другой – добротные, заслуживающие доверия источники – цитируют псефизму, выбитую на медной стеле, установленную, видимо, в Элевсине [14, р. 11–12]. Таким образом, по поводу Диагора было принято постановление народного собрания (т.е. это не вердикт судей народного суда), посему некоторые исследователи полагают, что процесса не было [16, р. 201, п. 451; 18, р. 276]. Однако процессы по исангелии проходили в это время преимущественно в экклесии [3, с. 274–280], так что если против Диагора было выдвинуто обвинение в государственном преступлении – по псефизме Диопифа, как считал Якоби [14, passim], – то весьма вероятно, что слушания по его делу в народном собрании всё же состоялись, но в отсутствие обвиняемого. Текст постановления и другие источники указывают на то, что, не дожидаясь решения по своему делу, Диагор из Афин бежал в Пеллену в Ахайе (schol. in Aristoph. Av., 1073; Suda, s.v.; Mubaššir).

Хронологически самое раннее изложение содержания псефизмы против Диагора — у Аристофана в «Птицах» (1072sq): «если кто из вас убьет мелийца Диагора, получит талант». Более точный текст приводится у схолиастов к Аристофану, когда они цитируют упомянутых выше Кратера и Мелантия: «Было объявлено следующее: тот, кто его убьет, получит талант, кто же приведет — два» (schol. in Aristoph. Av., 1073; похожий текст — schol. in Aristoph. Ran., 320). Судя по тексту декрета Диагора хотели не просто покарать за его преступное нечестие и надругательство над святым, но и получить информацию (вероятно, о сообщниках, таких же нечестивцах) [20, р. 181], что было совершенно в духе той атмосфере всеобщего доноительства и паники, которая наблюдалась в Афинах в ходе расследования дела о гермокопидах (ср.: Thuc., VI, 27).

Отдельная проблема — датировка «дела Диагора». Ф. Якоби склонялся к ранней датировке: около 430 г. до н. э., после принятия псефизмы Диописа [14, р. 21–23]. Однако создается впечатление, что упоминание о постановлении против Диагора в аристофановских «Птицах» сделано по свежим следам. Пьеса эта была поставлена весной 414 г., и по мнению многих исследователей, которое мы поддерживаем, процесс Диагора состоялся в конце 415 — начале 414 гг. [1, с. 39; 10, р. 67–70; 20, р. 181]. После истерии в связи с делом о гермокопидах и осквернителях мистерий обстановка для открытия охоты на вольнодумцев была самая подходящая. Архонтством Хария (т.е. 415 / 414 г.) датируют декрет против Диагора и наши источники — Диодор и Мубашир. Диодор пишет (XIII, 7): «Когда это произошло [т.е. события 415 г. — Т. К.], Диагор, прозванный Безбожником, оказавшийся под подозрением в кощунстве и побоявшись демоса, убежал из Аттики».

Остановимся еще на одном моменте в связи с делом Диагора. В аристофановских «Облаках» (423 г.), издеваясь над Сократом и выставляя его как автора концепции о том, что нет никакого Зевса, а на Олимпе царит Вихрь, Стрепсиад называет философа «мелосцем» (830). И схолиаст (schol. in Aristoph. Nub., 830), и современные исследователи полагают, что здесь намек на Диагора Мелосского [20, р. 186]. Хотя схолиаст связывает этот намек с уже состоявшимся осуждением Диагора, на самом деле процесс, как мы уже говорили, был, скорее всего, позже — в 415 / 414 г. Вольнодумство и нетривиальные взгляды на богов Диагора, видимо, были притчей во языцех уже давно. Однако тогда, когда ставились «Облака», — в конце 20-х гг. — они являлись еще предметом шутки, а не уголовного преследования, как в 415 г. Как объяснить эту метаморфозу: от вышучивания к объявлению вне закона, назначению награды за голову? Неужели Диагор был столь безумен, что начал или вел свою агитационную анти-мистериальную деятельность в той обстановке, которая царил в Афинах после изуродования герм и раскрытия истории с профанацией мистерий? Едва ли. Дело было не в активности Диагора, а в изменившейся политической и морально-психологической обстановке в Афинах. После окончания периода «ненадежного замирения» и возобновления Пелопоннесской войны накапливались усталость и раздражение; наложился шок, пережитый афинянами из-за страшного преступления против религии и эксцессов розыскной кампании; прибавим сюда тревогу за судьбу Сицилийской экспедиции. Отношение афинян к нечестию и нечестивцам определялось общей ситуацией в полисе: терпели ведь они до поры до времени вольнодумные софистические идеи или даже выпады против традиционной религии заезжего мелосца. Но в 415 г. до н. э. после изуродования герм обстановка изменилась. Учтем и то, что в предыдущем 416 г. афиняне, наглядно продемонстрировав право сильного на власть (именно так это и аргументировалось), подвергли опустошению родину Диагора — остров Мелос — за то, что тот отказался выразить им свою покорность (Thuc., V, 84–114). В новых условиях мелосскому вольнодумцу просто припомнили его прошлые грехи.

Итак, мы видим, что Пелопоннесская война и вызванные ею изменения в общественно-политическом климате Афин выступают как катализатор внимания к сакральному. Вольнодумство Периклового века, «века просвещения», оказалось не в чести — боги общины выходят из тени и требуют безоговорочного почтения. В условиях военного времени было весьма опасно в той или иной форме ставить под сомнение традиционные народные верования (процесс Протагора и награда за голову Диагора). Когда тревожная обстановка усугублялась оскорблением, нанесенным религиозным чувствам демоса, тогда коллективные страх и неуверенность, желание мести рождали панические настроения и способствовали открытию «охоты за ведьмами» (процессы гермокопидов и прочих святотатцев). Поспешные и необдуманные решения демоса были чреватые самыми серьезными политическими последствиями и самым существенным образом сказывались на ходе Пелопоннесской войны (процесс Алкивиада).

Библиографический список

1. *Виц-Маргулес Б. Б.* Диагор Мелосский: статья, перевод, комментарии. Гродно, 1996.
2. *Гомперц Т.* Греческие мыслители. СПб., 1999.
3. *Кудрявцева Т. В.* Народный суд в демократических Афинах. СПб., 2008.
4. *Никитюк Е. В.* Процессы по обвинению в нечестии (асебии) в Афинах в последнюю четверть V в. до н. э. // *Античный мир: Проблемы истории и культуры: сб. науч. ст. к 65-летию со дня рождения проф. Э. Д. Фролова.* СПб., 1998. С. 117–138.
5. *Никитюк Е. В.* Сущность и цели кощунства 415 г. до н. э. // *Мнемон. Вып. 4.* СПб., 2005. С. 115–124.
6. *Aurenche O.* Les groupes d'Alcibiade, de Léogoras et de Teucros: Remarques sur la vie politique athénienne en 415 avant J.-C. Paris, 1974.
7. *Bauman R.* Political Trials in Ancient Greece. London; New York, 1990.
8. *Capizzi A.* Protagoras. Firenze, 1955.
9. *Davison J. A.* Protagoras, Democritus, and Anaxagoras // *Classical Quarterly.* Vol. 3. 1953. P. 33–45.
10. *Derenne E.* Les procès d'impiété intentés aux philosophes à Athènes au V-me et au IV-me siècles avant J.-C. New York, 1976.
11. *Dover K.* Excursus on the Herms and the Mysteries // *Gomme A. W., Andrews A., Dover K. J.* A Historical Commentary on Thucydides. Vol. IV. Oxford, 1970.
12. *Furley W. D.* Andocides and the Herms. A Study of Crisis in Fifth-century Athenian Religion // *Bulletin of the Institute of Classical Studies. Supplement.* Vol. 65. London, 1996.
13. *Graf F.* Der Mysterienprozess // *Große Prozesse im antiken Athen / hrsg. von L. Burckhardt, J. von Ungern-Sternberg.* München, 2000. S. 114–127.
14. *Jacoby F.* Diagoras ὁ Ἀθεός // *Abhandlungen der deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst.* № 3. 1959. P. 1–48.
15. *MacDowell D. M.* Andokides. On the Mysteries. Oxford, 1962.
16. *MacDowell D. M.* The Law in Classical Athens. London, 1978.
17. *Marr J. L.* Andocides' Part in the Mysteries and Hermae Affairs 415 B.C. // *Classical Quarterly.* Vol. 21. 1971. P. 326–338.
18. *Ostwald M.* From Popular Sovereignty to the Sovereignty of Law. Berkeley; Los Angeles, 1986.
19. *Rudhardt J.* La définition du délit d' impiété d' après la législation attique // *Museum Helveticum.* Vol. 17. 1960. P. 87–105.
20. *Woodbury L.* The Date and Atheism of Diagoras of Meletes // *Phoenix.* Vol. 19. 1965. P. 178–211.